

**ПУБЛИЧНОЕ НАЧАЛО В ПРОИЗВОДСТВАХ ПО ПРОВЕРКЕ СУДЕБНЫХ
РЕШЕНИЙ, ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ, В УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Ничипоренко А. А.

*Российский государственный социальный университет
г. Москва, Российская Федерация*

В статье обосновывается вывод о преобладании в современном уголовном процессе Украины и России публичности при расширении диспозитивного начала. Анализируются особенности производств по проверке судебных решений, вступивших в законную силу, отражающие их публично-правовой характер: возбуждение не иначе, как по решению уполномоченных должностных лиц и государственных органов, действие запрета поворота к худшему, сужение предмета и пределов проверки судебных решений. Показывается значение особых условий, оснований и процедур проверки решений, вступивших в законную силу, для защиты прав сторон при преодолении принципа правовой определенности *res judicata*.

Ключевые слова: публичность, диспозитивность, вступившие в законную силу решения, кассационное производство, надзорное производство, возобновление дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

1. Соотношение публичности и диспозитивности в современном уголовном процессе Украины и России.

И Уголовно-процессуальный кодекс Украины 2012 года [1] (далее – УПК Украины), и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 года [2] (далее – УПК РФ) содержат отдельные главы, посвященные принципам уголовного процесса (который в УПК РФ именуется уголовным судопроизводством, в УПК Украины – уголовным производством). Закрепление принципов в самостоятельной главе является отличительной чертой законодательства последних лет. Такой главы не было ни в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., ни в УПК РСФСР 1922 г., 1923 г., 1960 г., ни в УПК Украинской ССР 1961 г. Однако система принципов в УПК РФ и в УПК Украины различается. В частности, сравнение двух кодексов показывает различное отношение законодателя к закреплению принципа публичности уголовного процесса.

1.1. Публичное и диспозитивное начало в уголовном производстве Украины.

УПК Украины 2012 года, сменивший УПК 1961 г. [3], устанавливает, что содержание и форма уголовного производства должны соответствовать общим принципам уголовного судопроизводства, к которым, в частности, отнесены принципы публичности (ст. 25) и диспозитивности (ст. 26).

Под публичностью понимается обязанность прокурора, следователя в пределах своей компетенции начать досудебное расследование в каждом случае непосредственного обнаружения признаков уголовного преступления (за исключением слу-

чаев, когда уголовное производство может быть начато только на основании заявления потерпевшего) или в случае поступления заявления (сообщения) о совершении уголовного преступления, а также принять все предусмотренные законом меры для установления события уголовного преступления и лица, его совершившего.

Диспозитивность предполагает, что стороны уголовного производства свободны в использовании своих прав в пределах и способом, предусмотренным УПК; отказ прокурора от поддержания государственного обвинения влечет за собой прекращение уголовного производства, кроме случаев, предусмотренных УПК; следственный судья и суд решают в пределах своих полномочий только те вопросы, которые вынесены на их рассмотрение сторонами; производство в форме частного обвинения начинается только на основании заявления потерпевшего, при этом отказ потерпевшего, а в случаях, предусмотренных УПК, его представителя от обвинения является безусловным основанием для прекращения уголовного производства в форме частного обвинения.

Содержание статьи 26 УПК Украины отражает тесную взаимосвязь диспозитивного начала с состязательностью и равноправием сторон, в силу которых именно спор сторон является движущим началом процесса, стороны в указанных законом случаях могут влиять на его начало, развитие и прекращение (так, возбуждение дел частного и частно-публичного обвинения возможно не иначе, как на основании заявления потерпевшего; отказ обвинителя от обвинения влечет прекращение уголовного судопроизводства), стороны наделены широкими процессуальными правами для отстаивания своих интересов. Указанные положения содержатся и в российском УПК, но включены в нормы, закрепляющие принцип состязательности сторон (ст. 15), равенство прав сторон (ст. 244), виды уголовного преследования (ст. 20), право потерпевшего на участие в уголовном преследовании (ст. 22), участие обвинителя в судебном разбирательстве (ст. 246).

Несмотря на закрепление диспозитивности в качестве принципа уголовного производства в Украине, публичное начало, как и в российском уголовном судопроизводстве, сохраняет свое ведущее значение, что предопределено задачами уголовного процесса, к которым, в соответствии со ст. 2 УПК Украины, относятся защита личности, общества и государства от уголовных преступлений, охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также обеспечение быстрого, полного и беспристрастного расследования и судебного рассмотрения с тем, чтобы каждый, кто совершил уголовное преступление, был привлечен к ответственности в меру своей вины, ни один невиновный не был обвинен или осужден, ни одно лицо не было подвергнуто необоснованному процессуальному принуждению, и чтобы к каждому участнику уголовного судопроизводства была применена надлежащая правовая процедура.

В то же время наблюдается расширение диспозитивного начала. Многие правовые институты применяются не иначе, как по инициативе или с согласия сторон или отдельных участников. Например, в отличие от российского уголовного процесса, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик приобретают свой процессуальный статус не после вынесения постановления уполномоченным должностным лицом или государственным органом о признании их таковыми по возбужденному

уголовному делу, а незамедлительно после волеизъявления указанных лиц. Так, права и обязанности потерпевшего возникают с момента представления заявления лицом о совершении относительно него уголовного правонарушения или заявления о привлечении его к производству как потерпевшего (ч. 2 ст. 55 УПК Украины). При этом во время досудебного расследования потерпевший имеет право на немедленное принятие и регистрацию заявления об уголовном правонарушении, признании его потерпевшим (п. 1 ч. 2 ст. 56 УПК Украины). Если лицо не подало заявление о совершении относительно него уголовного правонарушения или заявление о привлечении его к производству как потерпевшего, то следователь, прокурор, суд имеет право признать лицо потерпевшем только с его письменного согласия. При отсутствии такого согласия лицо в случае необходимости может быть привлечено к уголовному производству в качестве свидетеля (ч. 7 ст. 55 УПК Украины). Права и обязанности гражданского истца и гражданского ответчика также возникают с момента предъявления искового заявления органу досудебного расследования или суду, а не с момента вынесения уполномоченным должностным лицом или государственным органом постановления о признании их гражданским истцом, гражданским ответчиком (ч. 2 ст. 61, ч. 2 ст. 62 УПК Украины). Такое правовое регулирование приобретения статуса потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика в большей степени защищает права указанных лиц, поскольку во всех случаях влечет своевременное наделение их соответствующим процессуальным статусом и позволяет им использовать предоставленные права для отстаивания своих интересов.

Диспозитивность проявляется и в наделении потерпевшего правом поддержания обвинения по уголовному делу в суде в случае отказа прокурора от поддержания государственного обвинения (ч. 2-5 ст. 340 УПК Украины). Аналогичного права у потерпевшего в российском уголовном процессе нет. Напротив, полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства по делам публичного и частно-публичного обвинения влечет за собой безусловное прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Права потерпевшего в российском уголовном процессе защищены тем, что полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела, равно как и изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения, должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты; кроме того, законность, обоснованность и справедливость такого решения возможно проверить в вышестоящем суде (ч. 7 и 8 ст. 246, п. 2 ст. 254 УПК РФ, постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 года № 18-П [4]).

Расширение диспозитивного начала в украинском уголовном процессе видится и в том, что стороны наделены правом при заключении соглашения о примирении указать согласованное решение о наказании (ч. 1 ст. 471 УПК Украины). Заметим, что в российском уголовном судопроизводстве стороны не наделены правом заключать соглашение в части наказания. Наказание определяет только суд, стороны вправе лишь

высказать свое мнение по этому вопросу в судебных прениях, причем это мнение не имеет для суда обязательного значения. Это справедливо не только для общего порядка судебного разбирательства, но и для упрощенных, ускоренных производств: при постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением (ч. 7 ст. 316 УПК РФ), при постановлении приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ), при постановлении приговора по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме (ч. 1 и 6 ст. 226.9 УПК РФ).

1.2. Публичное и диспозитивное начало в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

В УПК РФ принцип публичности в главе второй «Принципы уголовного судопроизводства» не закреплен, однако публичное начало лежит в основе современного российского уголовного процесса, что обусловлено назначением уголовного судопроизводства, а также тем, что «уголовно-процессуальное право призвано обеспечить наиболее адекватную процессуальную форму реализации уголовного права как права материального» [5].

Воскобитова Л.А. обоснованно отмечает, что «наука всегда признавала этот принцип [принцип публичности – А.Н.] процесса, хотя в постперестроечное время этот вопрос стал дискуссионным. Суть принципа публичности обусловлена тем, чьи интересы и ценности преимущественно защищает уголовное судопроизводство: частные интересы отдельной личности или публичные интересы государства и общества. Уголовное судопроизводство связано с фактом совершения преступления, необходимостью расследования этого факта, изобличения виновного и применения к нему меры уголовного права с тем, чтобы защитить права потерпевшего (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Однако определение тех опасных для личности, государства и общества деяний, которым придается значение преступления, за которые следует уголовное наказание, определяет государство путем принятия УК РФ. Именно уголовное право определяет ту систему ценностей и интересов, которые государство защищает посредством уголовного права: права и свободы человека, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, окружающую среду, конституционный строй, мир и безопасность человечества (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Обеспечивая применение норм уголовного права, уголовное судопроизводство защищает те же ценности, которые признаны государством и взяты им под свою защиту. Следовательно, сущность уголовно-процессуальной деятельности – преимущественная защита публичных интересов. Это проявляется и в понятии уголовного преследования (гл. 3 УПК РФ), и в организации данной деятельности, и в наделении компетенцией должностных лиц и органов, ведущих процесс... По общему правилу, всякое сообщение о преступлении порождает обязанность следователя и дознавателя возбуждать уголовное дело «ex officio», т.е. официально, независимо от волеизъявления тех, чьи интересы непосредственно нарушены преступлением, и осуществлять уголовное преследование (ст. 21 УПК РФ). Только в исключительных случаях, указанных в законе, возбуждение уголовного дела поставлено в зависимость от волеизъявления потерпевшего, однако даже для этих дел установлены исключения в сторону публичности процесса» [6, с. 61-62].

Одной из отличительных черт российского УПК 2001 года, по справедливому замечанию Вилковой Т.Ю., явилось «сохранение преобладания публичного начала уголовного судопроизводства при значительном расширении диспозитивных прав граждан. Например, волеизъявление потерпевшего является определяющим при возбуждении дела частного обвинения и его прекращения, для прекращения дел публичного обвинения о преступлениях небольшой и средней тяжести за примирением сторон, вследствие деятельного раскаяния и возмещения вреда подозреваемым или обвиняемым. Согласие обвиняемого требуется для прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям (в связи с применением акта амнистии, за истечением сроков давности уголовного преследования и др.), для применения ряда мер пресечения (личного поручительства, наблюдения командования воинской части), только по ходатайству обвиняемого дело может быть рассмотрено судом в особом порядке при согласии обвиняемого с обвинением, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, судом с участием присяжных заседателей» [7, с. 47-48].

Отметим, что в развитии российского законодательства на современном этапе указанная тенденция сохраняется. Так, введенное в 2013 году дознание в сокращенной форме [8] допускается только по ходатайству подозреваемого (ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ) и при отсутствии возражения потерпевшего (п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ).

1.3. На основе изложенного можно сделать *вывод*, что уголовный процесс как Украины, так и Российской Федерации основан на преобладающем действии принципа публичности с одновременным расширением диспозитивного начала. При этом в украинском уголовном производстве стороны наделены более широкими возможностями по влиянию на возбуждение, развитие и окончание уголовного процесса, чем в российском.

2. Публично-правовое начало при проверке судебных решений, вступивших в законную силу, в уголовном процессе Украины и России.

Публично-правовое начало уголовного процесса приобретает особое значение в исключительных, резервных стадиях, связанных с необходимостью преодоления принципа правовой определенности и внесения изменений или отмены решений, вступивших в законную силу, уже обращенных к исполнению, и даже исполненных.

Процедуры проверки таких решений в уголовном процессе Украины и России различны. В украинском уголовном производстве отмена или изменение судебных решений, вступивших в законную силу, возможны в кассационном порядке (гл. 32 УПК Украины), при производстве в Верховном Суде Украины (гл. 33 УПК Украины) и при производстве по вновь открывшимся обстоятельствам (гл. 34 УПК Украины). Проверка судебных решений в надзорном порядке не предусматривается. Однако производство в Верховном Суде Украины имеет определенное сходство с российским возобновлением уголовного дела вследствие установления Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ), а также с гражданско-процессуальным институтом проверки судебных решений в порядке надзора, если обжалуемое судебное постановление нарушает единообразие в толковании и применении судами норм права (п. 3 ст. 391.9 ГПК РФ). Производства по проверке судебных решений, вступивших в законную силу, в российском уголовном процессе с 1 января 2013 года

являются кассационное, надзорное производство и возобновление дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Все указанные производства, несмотря на отличия в условиях и порядке их возбуждения, процедуры проверки и оснований отмены или изменения судебных решений имеют общие черты, придающие им исключительный характер, и потому требующие особых гарантий соблюдения прав участников уголовного процесса.

Европейский суд по правам человека неоднократно отмечал важность одного из основополагающих аспектов верховенства права, а именно принципа правовой определенности, который, среди прочего, требует, чтобы при вынесении судами окончательного решения это решение не могло бы быть оспорено [9]. Применительно к пересмотру уголовных дел в порядке надзора Европейский суд указал, что это требование не является абсолютным, и что любое решение, отклоняющееся от этого принципа, должно быть оценено в свете п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции, который прямо позволяет государству возобновлять производство по делу в связи со вновь открывшимися обстоятельствами или в случае обнаружения существенной ошибки в ходе предыдущего судебного разбирательства, которая могла повлиять на исход дела. Таким образом, возможность пересмотра окончательного судебного решения по уголовному делу не является сама по себе несовместимой со ст. 6 Конвенции, если действительная причина пересмотра дела не нарушает саму суть права заявителя на справедливое судебное разбирательство [10].

Обязанность установления особых процедур, обеспечивающих справедливый баланс между интересами лица и необходимостью обеспечения эффективного функционирования системы уголовного судопроизводства, лежит на государстве.

Одной из отличительных черт производств по проверке судебных решений, вступивших в законную силу, определяемых действием публичного начала, является *особая процедура возбуждения такого производства*.

Как отметил Конституционный Суд РФ, «поскольку вторжение в сферу действия принципа стабильности судебного решения, вступившего в законную силу, может повлечь существенное изменение правового положения сторон, уже определенного таким решением, в том числе в сторону его ухудшения, закрепление в законе экстраординарных, чрезвычайных по своему характеру способов обжалования вступивших в законную силу судебных постановлений требует установления специальной процедуры открытия соответствующего производства» [11].

Особенностью процедуры возбуждения всех соответствующих производств является так называемое предварительное рассмотрение жалобы, заявления уполномоченными должностными лицами или государственными органами.

По справедливому замечанию Вилковой Т.Ю., указанное предварительное рассмотрение жалоб, представлений представляет собой процедуру, введение которой обусловлено целью не допустить превращение суда кассационной, надзорной инстанции в обычную (ординарную) судебную инстанцию и исключить передачу в суд явно необоснованных обращений; в рамках указанной процедуры определяются правовые основания для дальнейшего движения дела и передачи его для рассмотрения по существу в соответствующий суд [12, с. 840].

В уголовном процессе Украины кассационное производство открывается судом кассационной инстанции, если отсутствуют основания для оставления кассационной

жалобы без движения, возвращения кассационной жалобы или отказа в открытии кассационного производства (ч. 1 ст. 428 УПК Украины). В частности, суд кассационной инстанции выносит постановление об отказе в открытии кассационного производства, если из кассационной жалобы, предоставленных к ней судебных решений и других документов усматривается, что оснований для удовлетворения жалобы нет (п. 2 ч. 2 ст. 428 Украины). Решение вопроса о допуске дела к производству в Верховном Суде Украины осуществляется коллегией в составе пяти судей Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел без вызова участников судебного производства (ст. 451 УПК Украины). Заявление о пересмотре судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам рассматривается судьей, который проверяет его соответствие требованиям закона и решает вопрос о возбуждении производства по уголовному делу (ч. 1 и 2 ст. 464 УПК Украины).

В российском уголовном процессе для возбуждения кассационного производства требуется постановление уполномоченного судьи (в Президиуме верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда – судьи соответствующего суда; в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации – судьи Верховного Суда Российской Федерации) о передаче кассационной жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Заявителю может быть отказано в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, если отсутствуют основания для пересмотра судебных решений в кассационном порядке (ст. 401.7 и 401.8 УПК РФ). Для возбуждения надзорного производства требуется аналогичное постановление судьи Верховного Суда РФ (ст. 412.5 УПК РФ). Право возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств принадлежит прокурору, а пересмотр судебного решения, ввиду признания Конституционным Судом РФ закона, примененного судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции РФ, либо вследствие установления Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, при рассмотрении российским судом уголовного дела осуществляется Президиумом Верховного Суда РФ по представлению Председателя Верховного Суда РФ (ч. 1 и 5 ст. 415 УПК РФ).

Таким образом, обращение заинтересованного лица с соответствующей жалобой, представлением, само по себе недостаточно для пересмотра судебного решения в законную силу. Возбуждение производства осуществляется только уполномоченными государственными органами или должностными лицами, что обусловлено действием публичного начала в указанных стадиях, обязанностью государства соблюсти баланс между необходимостью исправления судебной ошибки и принципом правовой определенности, обеспечить недопустимость произвольного или недостаточно обоснованного возбуждения исключительного производства.

Столь важные задачи ставят вопрос о возможности принятия указанного решения должностным лицом единолично. Как известно, в советское время большинство судебных решений по уголовным делам принималось коллегиальным составом суда.

По справедливому замечанию Ничипоренко Т. Ю., «возрождение института единоличного рассмотрения уголовных дел после длительного периода безраздельного господства принципа коллегиальности было обусловлено стремлением уменьшить материальные затраты на судопроизводство и обеспечить оперативность рассмотрения несложных дел» [13, с. 93]. За два последних десятилетия уголовный процесс прошел путь от преимущественно коллегиального к преимущественно единоличному составу суда. Однако проверка судебных решений, вступивших в законную силу, требует высокого уровня гарантий соблюдения прав участников уголовного судопроизводства, в связи с чем встает вопрос о возможности вынесения решения о возбуждении соответствующего производства должностным лицом единолично. Конституционный Суд РФ признал непротиворечащим Конституции РФ единоличное возбуждение надзорного производства по уголовным делам, «поскольку решение судьи об отказе в удовлетворении надзорной жалобы может быть обжаловано председателю соответствующего суда или его заместителю, и поскольку при рассмотрении дела по существу судом надзорной инстанции обеспечивается соблюдение в отношении сторон судопроизводства процессуальных принципов и гарантий» [14]. «При этом единоличное разрешение вопроса о наличии (или отсутствии) оснований для возбуждения надзорного производства не освобождает судью от обязанности проанализировать все изложенные в жалобе доводы о допущенных при рассмотрении дела в судах нижестоящих инстанций нарушениях закона и принять обоснованное решение об удовлетворении надзорной жалобы либо об отказе в этом [15]. Судья, принимая решение о возбуждении надзорного производства, не вправе в данном постановлении предпринимать выводы суда надзорной инстанции [16].

Однако возбуждение производства коллегиальным составом суда, как это предусмотрено для дел, рассматриваемых Верховным Судом Украины, представляется предпочтительным, поскольку в наибольшей степени гарантирует принятие справедливого решения.

Еще одной чертой производств, направленных на проверку судебных решений, вступивших в законную силу, обусловленной публичностью уголовного процесса, является *право суда выйти за пределы требований сторон* и по своей инициативе проверить производство по делу в полном объеме (так называемое ревизионное начало) (ч. 1 ст. 401.16, ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ, ч. 2 ст. 433 УПК Украины). Проверить все производство по уголовному делу в полном объеме – не обязанность, а право суда. Это обусловлено тем, что в состязательном процессе именно стороны должны определять в своих обращениях, что будет проверять суд, поскольку именно спор сторон является движущим началом состязательного уголовного процесса.

Однако публично-правовые полномочия суда при проверке решений, вступивших в законную силу, строго ограничены. Пределы прав суда обусловлены действием принципа состязательности и равноправия сторон, правом обвиняемого на защиту, свободой обжалования. В частности, пределы прав суда определяются действием *запрета поворота к худшему*.

Суд, проверяющий судебное решение, вступившие в законную силу, не может применить закон о более тяжком преступлении или усилить наказание, поскольку ухудшать положение обвиняемого может лишь суд, непосредственно исследующий

доказательства, то есть только суд первой и апелляционной инстанции.

Кроме того, запрет поворота к худшему в проверочных стадиях традиционно связывается с положением о том, что отмена судебного решения в интересах ухудшения положения обвиняемого возможна, но лишь если это требование содержится в обращении стороны обвинения. Данное положение прямо закреплено в ч. 2 и 3 ст. 437 УПК Украины. Однако в современном российском УПК указанная норма применительно к кассационному и надзорному производствам отсутствует. Это приводит к различным суждениям в процессуальной литературе о том, вправе ли суд отменить судебное решение в интересах ухудшения положения обвиняемого, если с таким требованием не обращались участники со стороны обвинения.

Так, Дикарев И. указывает, что «согласно ч. 5 ст. 401.16 УПК РФ, суд не вправе отменять приговор, определение или постановление относительно тех оправданных или осужденных, в отношении которых кассационные жалоба или представление не принесены, если отмена приговора, определения или постановления ухудшает их положение. Что же касается осужденных и оправданных, в отношении которых судебное решение было обжаловано, то отмена такого решения по основаниям, влекущим ухудшение положения стороны защиты, возможна лишь в том случае, когда соответствующие правовые основания указаны в жалобе потерпевшего, его представителя или представлении прокурора» [17, с. 79]. Однако обоснование данного вывода автором не приводится.

Противоположная точка зрения высказана Вилковой Т. Ю.: «Правило о недопустимости поворота к худшему служит важной гарантией свободы обжалования, но применительно к надзорному производству оно имеет свои ограничения и существенно отличается от действия подобного запрета в апелляционном производстве. Согласно ст. 389.24 УПК в апелляционном производстве оно ограждает осужденного и оправданного от опасности по своей жалобе или жалобе своего защитника оказаться в худшем положении по сравнению с вынесенным приговором. Изменение обвинительного приговора с ухудшением положения осужденного или отмена оправдательного приговора и направление дела на новое рассмотрение в первую инстанцию или в апелляционном порядке возможны только при наличии соответствующего представления прокурора или жалоб потерпевшего, частного обвинителя или их представителей. Применительно к кассационному и надзорному производству поворот решения к худшему не зависит от того, кто приносит жалобу, представление» [12, с. 848].

Действительно, УПК РФ не содержит норм, аналогичных ч. 2 и 3 ст. 437 УПК Украины, для кассационного и надзорного производств. Однако отсутствие этих положений в российском УПК нарушает принцип состязательности сторон и ограничивает фундаментальное право обвиняемого на защиту, делает иллюзорным его право обжаловать приговор, определение, постановление суда (п. 18 ч. 4 ст. 47 УПК): возможность вынесения судом решения в интересах ухудшения положения обвиняемого, когда с таким требованием не обращалась сторона обвинения, бесспорно, повлечет отказ части осужденных от обращения в суды кассационной и надзорной инстанции. Кроме того, допустимость поворота к худшему, независимо от того, кто приносит жалобу; представление не согласуется с положением ч. 5 ст. 401.16 УПК РФ, согласно которой суд не вправе отменить приговор, определение или постановление

в отношении тех оправданных или осужденных, в отношении которых кассационные жалоба или представление не принесены, если отмена приговора, определения или постановления ухудшает их положение. Очевидно, что недопустимость вынесения судом кассационной или надзорной инстанций по собственной инициативе решения, ухудшающего положение осужденного, оправданного, в отношении которых жалобы или представление не приносились, и наличие такого права у суда в отношении осужденного, оправданного, обжаловавших приговор, не имеет под собой оснований и ставит обвиняемых в неравное положение.

На основании изложенного представляется необходимым дополнить ст. 401.16 и ст. 412.12 УПК РФ положениями, аналогичными ч. 2 и 3 ст. 437 УПК Украины и ст. 389.24 УПК РФ о том, что отмена приговора или изменение иного судебного решения в сторону ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается не иначе, как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей, в которых содержится требование об ухудшении положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено.

Следует также дополнить гл. 47.1 и 48.1 УПК РФ нормами, аналогичными ч. 3 ст. 439 УПК Украины о том, что при новом рассмотрении в суде первой или апелляционной инстанции после отмены судебного решения судом кассационной или надзорной инстанции применение более строгого наказания или закона о более тяжком преступлении допускается только при условии, что приговор был отменен в интересах ухудшения положения обвиняемого по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей.

Таким образом, в современном уголовном процессе Украины и России сохранено преобладание публичного начала с расширением действия диспозитивности. Публичность имеет особое значение в стадиях, связанных с проверкой судебных решений, вступивших в законную силу, так как в этих производствах возможно преодоление принципа правовой определенности. Для соблюдения баланса интересов законодатель устанавливает пределы прав суда в указанных производствах, в частности запрет поворота к худшему, который последовательно закреплен в УПК Украины и требует закрепления в УПК РФ.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Украины : Закон Украины от 13.04.2012 № 4651 // Режим доступа. – [Электронный ресурс] : URL: www.Kalinovsky-k.narod.ru/zakon/upk_ukr.rar.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. Ч. I. – Ст. 4921.
3. Утв. Законом Украинской ССР «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Украинской ССР» // Ведомости Верховной Рады УССР. – 1961. – № 2. – Ст. 15.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П по делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 51. – Ст. 5026.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 27. – Ст. 2804.
6. Воскобитова Л. А. Принципы уголовного судопроизводства / Л. А. Воскобитова // Уголовный процесс : учебник для бакалавров. – М. : Проспект, 2013. – С. 61-62.
7. Вилкова Т. Ю. Источники уголовного-процессуального права / Т. Ю. Вилкова // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник для вузов. – М. : Юрайт, 2013. – С. 36-55.
8. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 9. – Ст. 875.
9. Постановление Большой Палаты Европейского суда по правам человека от 28 октября 1999 года по делу «Брумареску против Румынии» (Bragarescu v. Romania). Жалоба № 28342/95. – ECHR 1999-VII. – § 61; Постановление Европейского суда по правам человека от 24 июля 2003 года по делу «Рябых против Российской Федерации» (Ryabukh), § 51 // Журнал российского права. – 2004. – № 5. – С. 110-119; Постановление Европейского суда по правам человека от 24 мая 2007 года по делу «Радчиков против Российской Федерации» (Radchikov v. Russia) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2007. – № 10. – С. 119-132.
10. Постановление Европейского суда по правам человека от 20 июля 2004 года по делу «Никитин против Российской Федерации» (Nikitin v. Russia). Жалоба № 50178/99. § 54 – 57; Постановление Европейского суда по правам человека от 28 февраля 2006 года по делу «Савинский против Украины» (Savinskiy v. Ukraine). Жалоба № 6965/02. § 23 // СПС КонсультантПлюс.
11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2013 года № 1001-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «АВТОВОК-ЗАЛ СЕРВИС» на нарушение конституционных прав и свобод частями 1 и 3 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
12. Вилкова Т. Ю. Производство в суде надзорной инстанции / Т. Ю. Вилкова // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. – [3-е изд.]. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – С. 826-850.
13. Ничипоренко Т. Ю. О пределах подсудности уголовных дел единоличному судье / Т. Ю. Ничипоренко // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 1997. – № 5. – С. 91-99.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2010 г. № 1668-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Затынайко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьями 126, 357, 377, 406 и 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
15. Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 492-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Глотова Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции» // СПС КонсультантПлюс. 16. О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 4.
17. Дикарев И. Пределы рассмотрения дела судом в уголовном процессе / И. Дикарев // Уголовное право. – 2013. – № 3. – С. 76-80.

Ничипоренко А. А. Публічний початок у виробництвах з перевірки судових рішень, що набрали законної сили, в кримінальному процесі України та Росії: порівняльний аналіз / А. А. Ничипоренко // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2013. – Т. 26 (65). № 2-2. – С. 319-330.

У статті обґрунтовується висновок про переважання в сучасному кримінальному процесі України та Росії публічності при розширенні диспозитивного початку. Аналізуються особливості виробництв з перевірки судових рішень, що набрали законної сили, що відображають їх публічно-правовий характер: порушення не інакше, як за рішенням уповноважених посадових осіб та державних органів, дію забо-

рони повороту до гіршого, звуження предмета і меж перевірки судових рішень. Показується значення особливих умов, підстав та процедур перевірки рішень, що набрали законної сили, для захисту прав сторін при подоланні принципу правової визначеності *res judicata*.

Ключові слова: публічність, диспозитивність, що набрали законної сили рішення, касаційне провадження, наглядове виробництво, відновлення справ через нових або нововиявлених обставин.

THE PUBLIC BASIS IN PROCEDURE OF VERIFICATION OF EFFECTIVE COURT DECISIONS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS IN UKRAINE AND RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS

Nichiporenko A. A.

Russian State Social University, Moscow, Russia

The article reviews correlation between publicity and dispositivity in the criminal proceedings in Ukraine and Russia. A conclusion is substantiated that at the current stage of criminal procedure law in both countries dispositivity is being extended, which is manifested through introduction of new legal institutions, requiring will expression of the parties: granting of right to choose a form of legal proceedings to a defendant, a victim and other subjects, including reduced and simplified proceedings (conciliation agreement between a victim and a suspect or a defendant, as well as agreement between a prosecutor and a suspect or a defendant regarding admission of guilt in the criminal proceedings of Ukraine, prejudicial cooperation agreement between a prosecutor and a suspect, special order of court proceedings if a defendant agrees with the charges and during performance of investigation in the reduced form in the criminal court proceedings in Russia), application of criminal procedure coercion measures by consent of different parties etc. Differences in the criminal proceedings of two countries, insofar as they relate to dispositivity, are shown: as opposed to the Russian criminal legal proceedings, the Criminal Procedure Code of Ukraine secures dispositivity as a principle, the person doesn't need a special decision of an official to obtain the procedural status of a victim, a civil claimant, a civil defendant; if parties conclude a conciliation agreement they have a right to agree upon a punishment, inflicted on the defendant.

Based on the general provisions on publicity and dispositivity, the article analyzes peculiarities of procedure of verification of effective court decisions in the criminal proceedings in Ukraine and Russia, reflecting their public character: commencement of proceedings only by the decision of authorized officials and public authorities, limitation of procedural verification time periods, absence of direct investigation of evidence, narrowing of the subject and limits of verification of court decisions. The article reveals the significance of special conditions, grounds and procedures of change or cancellation of effective court decisions, as guarantees of overruling of the *res judicata* legal certainty principle. A conclusion is substantiated on the operation of principles of right to judicial protection, exercise of criminal procedure based on competitiveness and legal equality of the parties at all stages of the criminal process, including proceedings of verification of effective court decisions, despite their exceptional character.

Key words: publicity, dispositivity, effective decisions, cassational proceedings, review proceedings, reopening of cases due to new or newly discovered circumstances.